

Артамонова Людмила Александровна

**«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
(особенности функционирования
художественно-публицистических идей:
антропологический и историсофский аспекты)**

10.01.01 – Русская литература

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук**

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Самарский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Карпенко Геннадий Юрьевич

Официальные оппоненты:

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН (ИМЛИ), отдел русской литературы конца XIX – начала XX века, старший научный сотрудник

Прохоров Георгий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент, ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт», кафедра литературы, профессор

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 24 марта 2015 года в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.218.07 на базе Самарского государственного университета по адресу: 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Самарского государственного университета и на сайте <http://sovet.samsu.ru>.

Автореферат разослан «21» января 2015 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Карпенко Геннадий Юрьевич

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено изучению «Дневника писателя» Ф.М.Достоевского: в работе выявляется и описывается антрополого-историософская концепция «Дневника», а также рассматриваются особенности ее функционирования в русской культуре конца XIX-начала XXI веков, – проблемы осмысления и рецепции.

В последние два десятилетия в отечественном литературоведении значительно возросло количество трудов, посвященных «Дневнику писателя» Ф.М.Достоевского. Такой мощный всплеск научного интереса позволяет говорить о целой «дневниковой индустрии» (И.Л.Волгин). Однако при данном «индустриальном» подходе закономерны как исследовательские издержки (повторения, подражания, «случайные» заимствования), так и «остановки» в развитии научной мысли, «застревания» на каких-либо отдельных сюжетах. Все это ведет к неполноте научного представления о «Дневнике» – «выборочности», «фрагментарности» его описания. С другой стороны, в науке о Ф.М.Достоевском заметны две позитивные тенденции. Одна из них связана с осмыслением «Дневника» как структурной целостности: исследователи говорят о произведении как «едином высказывании», «эстетическом объекте» (И.Л.Волгин, В.К.Кантор, Г.С.Прохоров). Другая тенденция обнаруживает себя в постижении-уточнении мировоззренческих – философских, эстетических, религиозных, антропологических и историософских – основ творчества Ф.М.Достоевского (О.А.Богданова, А.Г.Гачева, Т.А.Касаткина, Ф.Б.Тарасов).

В итоге сформировался достаточный научный потенциал, задействуя который, можно решать перспективные задачи изучения «Дневника писателя» как концептуального – жанрового и ценностного – единства.

В предлагаемой работе «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского рассматривается как единый, целостный, концептуально сложившийся-выразившийся текст, скрепленный антрополого-историософской концепцией писателя, которая нашла свое воплощение в логике развертывания социально-психологических (культурно-исторических, «почвенных», антропологических) типов.

Актуализация категории «тип» в работе не случайна. Дело в том, что на протяжении XVIII-XIX веков общественной мыслью активно разрабатывались проблемы обобщения, типизации: на основе логического расподобления, дифференциации и на основе духовного уподобления, отождествления. И, как показывают наблюдения, Ф.М.Достоевский усвоил опыты логической (социальной) и духовной типизации, что нашло отражение в его творчестве. Характерной чертой «Дневника писателя» является изображение конкретного человека – общественного деятеля, чиновника, художника, народной личности – как типа. Ф.М.Достоевский последовательно возводит изображение конкретного к типическому через систему обобщений. Такой способ представления героев содействует превращению «Дневника» в художественно-публицистический текст.

Необходимо отметить, что антрополого-историософская концепция в «Дневнике» строится в основном на концептуализации «единичного», «необыкновенного» как типического. В отличие от большинства писателей «натуральной школы», которые понимали тип как среднестатистическую величину, как «массовидный» объект классификационного описания (В.М.Маркович), Ф.М.Достоевский, разделяя принципы «натуральной школы», главным образом подходит к типу «иконически»: для него тип есть некая духовно-нравственная глубина, явленная в единичном, но мыслимая как сущность, которая должна быть исторически и антропологически воплощена. В соответствии с этим Ф.М.Достоевский строит свою антрополого-историософскую концепцию на «единичных», казалось бы, неповторимых, исключительных «примерах», в которых, по мысли писателя, должна реализовать себя жизненно продуктивная – антропная – закономерность национальной (и в идеале – всемирной) истории. В «Дневнике» Ф.М.Достоевский приближается к «тайне исторического» (Н.А.Бердяев) и, в отличие от гегелевской традиции, в которой сущность исторического связывалась с «логическим», видит ее в «человеческом» – в национальных, культурных типах. Осмысливая «человечность исторического», писатель пытается верно увидеть и определить основы исторической жизни, а, по словам М.Хайдеггера, «в верно увиденном <...> феномене времени укоренена центральная проблематика всей онтологии».

Актуальность данного исследования обусловлена существующей на сегодняшний день недостаточностью, неполнотой постижения «Дневника писателя» как смыслового, ценностного единства, динамическим ядром которого является антрополого-историософская концепция. К «Дневнику» довольно долгое время подходили как к маргинальному, «периферийному» явлению, и он «выпадал» из исследовательского поля серьезного, обстоятельного изучения как целостного текста. Сегодня, несмотря на возросший интерес ученых к «Дневнику», сохраняется потребность комплексно осмыслить его как самостоятельное, концептуально завершенное произведение, рассмотреть в широком контексте художественно-философских поисков Ф.М.Достоевского, а также охарактеризовать особенности его функционирования в ценностно-смысловом поле русской культуры.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые разрабатывается типология героев «Дневника писателя» в соотношении с историософскими представлениями Ф.М.Достоевского. Новаторский характер исследованию придает также историко-функциональный подход, позволяющий рассмотреть «Дневник» как актуальное произведение, вовлеченное в широкое поле культурных смыслов как XIX века, так и современности. Исследование текста в широком проблемном диапазоне (жанр, антропология, историософия, особенности функционирования в «большом времени») дало возможность представить его в системном, целостном виде, раскрыть феномен «Дневника» как в ценностно-смысловой глубине, так и в исторической перспективе.

Объектом исследования является «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского, произведение, создававшееся в последний период

творчества писателя и публиковавшееся частями в газете «Гражданин» (1873), а также самостоятельными выпусками (1876-1877, 1880, 1881).

Предметом исследования стали антрополого-историософские представления Ф.М.Достоевского, нашедшие свое концептуальное воплощение в создании галереи социально-психологических типов в «Дневнике писателя».

Материалом исследования послужили «Дневник писателя», «Записки из подполья», романы «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» (в том числе подготовительные материалы к ним), статьи, эпистолярное наследие Ф.М.Достоевского, воспоминания современников о писателе, а также некоторые произведения русской литературы XIX-XX веков, составившие необходимый сопоставительный фон.

Целью исследования является осмысление «Дневника писателя» как целостного, уникального историко-литературного и социокультурного феномена, реконструкция историософской концепции, которая оформляется созданием системы антропологических типов.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- рассмотреть современные научные подходы к «Дневнику писателя» и выработать собственное исследовательское видение, позволяющее осмыслить произведение как единый, целостный, концептуально сложившийся текст;

- раскрыть особенности понимания типа, типического научной, литературно-критической мыслью и сопоставить с осмыслением данного феномена Ф.М.Достоевским;

- определить специфику жанровой природы «Дневника писателя» в сравнении с другими «периферийными» жанрами русской литературы;

- выявить историко-литературные и биографические предпосылки возникновения «Дневника писателя» как особой формы писательского высказывания Ф.М.Достоевского;

- дать характеристику доминантным социально-психологическим типам «Дневника писателя» в широком типологическом соотношении с образами романного творчества Ф.М.Достоевского;

- осмыслить специфику представления социально-психологических типов как выражения историософской концепции «Дневника писателя»;

- описать особенности функционирования идей «Дневника писателя» на рубеже XIX-XX веков и в современном социокультурном пространстве.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили исследования, посвященные:

- проблемам художественно-документальной литературы (М.М.Бахтин, К.Вьолле, Л.Я.Гинзбург, Е.П.Гречаная, Г.Г.Елизаветина, Т.М.Колядич, Е.М.Криволапова, Ф.Лежен, Н.Л.Лейдерман, Л.Ф.Луцевич, Е.Г.Местергази, М.Ю.Михеев, Н.А.Николина, П.В.Палиевский, И.Л.Савкина, А.Г.Тартаковский, Ю.Н.Тынянов, А.А.Урбан);

- проблемам типа, типического (Н.К.Гей, А.В.Гулыга, Г.Ю.Карпенко, А.М.Левидов, В.Е.Хализев);

– жанровой природе «Дневника писателя» (И.Л.Волгин, Г.Д.Гачев, А.В.Денисова, В.А.Десницкий, Л.С.Дмитриева, В.Н.Захаров, Т.В.Захарова, Г.С.Прохоров, Л.М.Розенблом, В.А.Сидоров, В.А.Туниманов, П.Е.Фокин);

– характерологии и антропологии Ф.М.Достоевского (О.А.Богданова, Л.П.Гроссман, Т.А.Касаткина, Н.В.Кашина, В.Я.Кирпотин, В.Г.Одинокоев, Б.Н.Тарасов, Г.К.Щенников);

– проблемам осмысления современной культурой творческого наследия Ф.М.Достоевского (М.Боровски, М.В.Загидуллина, Л.Которча, Л.И.Сараскина).

Особое значение в формировании теоретико-методологической базы исследования имели фундаментальные труды, посвященные изучению наследия Ф.М.Достоевского (Н.Ф.Буданова, В.А.Викторович, И.Л.Волгин, А.Г.Гачева, Л.П.Гроссман, А.С.Долинин, В.Н.Захаров, Т.А.Касаткина, В.А.Котельников, К.В.Мочульский, Л.И.Сараскина, К.А.Степанян, Б.Н.Тихомиров, В.А.Туниманов, Г.М.Фридлендер, Г.К.Щенников), а также работы русских философов и мыслителей (Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, Б.П.Вышеславцев, И.А.Ильин, Л.П.Карсавин, К.Н.Леонтьев, Н.О.Лосский, В.В.Розанов, В.С.Соловьев, Е.Н.Трубецкой, Г.П.Федотов, Г.В.Флоровский, С.Л.Франк, С.И.Фудель), которые помогли соотнести основные положения и выводы с общей проблематикой творчества писателя и с идеями русской культуры.

Методы исследования. Исследование базируется на комплексном применении историко-функционального, культурно-исторического, типологического, сравнительно-сопоставительного методов с привлечением принципов биографического подхода.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского представляет собой единое, целостное художественно-документальное произведение, скрепленное творческой задачей писателя, а именно: стремлением обнаружить в многообразном потоке случайных фактов и явлений русской жизни сущностное, человечески типическое, национально устойчивое, антропологическое.

2. «Дневник писателя» в жанровом отношении уникален и отличается от журналистских, публицистических проектов способами творческого обобщения, художественно-публицистической типизации: обширным спектром соотношений изображаемого с национально-почвенными, культурологическими, историко-символическими и философско-религиозными ценностями – возведением явленного в статус сущностного («почва», «эмблема», «пророк»).

3. Историческая концепция Ф.М.Достоевского реализует себя в изображении социально-антропологических типов и образует единый сюжет «Дневника писателя». Причем в логике авторского развертывания персонажной галереи дает о себе знать архетипический принцип, в соответствии с которым повествование строится на отрицательном зачине (см.: 1 Песнь Псалтыри). Представление героев Ф.М.Достоевский открывает выведением общественных деятелей (А.И.Герцена и В.Г.Белинского) и чиновников как «низших» типов. Он значительно упрощает их образы, превращает их в функцию времени, в

выразителей исторически непродуктивных начал жизни: их влияние на историю краткосрочно, преходяще.

4. Религиозные типы (крестьянин Влас, мужик Марей, офицер Фома Данилов, доктор Гинденбург) – с социальной точки зрения «безвидные», малозаметные люди – выступают «антропологическими вершинами» «Дневника писателя»: на них «держится», ими выстраивается историософская концепция Ф.М.Достоевского. Историческую судьбу России писатель связывает с национально-органичными, «автохтонными», «почвенными» типами, которые таят в себе духовную органику человеческого: они способны на преображение, жертвенность, служение, всечеловечность, воплощают собой антропологический код исторического пути России, определяют ее жизнь и будущее.

5. Характерология «Дневника писателя» строится по принципу преодоления, трансформации линейной оппозиции «общественный деятель – религиозный тип». Сама по себе такая линейная оппозиция могла бы считаться достаточной для выражения антропологических/историософских взглядов Ф.М.Достоевского. Однако обозначение А.С.Пушкина как социокультурного, пророческого типа преобразует бинарную структуру высказывания о человеке и позволяет реализовать принцип восходящей целостности текста: А.С.Пушкин как антропологический тип предстает «собирающим», «синтезирующим» началом в характерологической системе «Дневника». Он и общественный деятель, и человек, рожденный из недр национального бытия, и чудесная явленность, данная России как благодатный дар. Благодаря пушкинской «двуприродности» историософская концепция «Дневника» оформляется одновременно как христологическая и как художественная модель истории: как Христос-Слово определил историю человечества на тысячелетия, так и А.С.Пушкин – человек-художник, воплощенное национальное Слово – явлен сформировать культурно-антропологический код русской судьбы (ср.: декабристы как общественные деятели, по словам П.Я.Чаадаева, «разыграли» судьбу России на семьдесят лет вперед).

6. «Дневник писателя» в силу своей художественно-публицистической направленности предстает как открытая, незамкнутая в себе целостность, востребованная общественным сознанием в широком диапазоне восприятия – от упрощенной идеологии до высокого откровения, и в этом смысле выступает как социокультурный феномен.

7. Особенность функционирования антропологических и историософских идей «Дневника писателя» находит свое выражение в разнонаправленных тенденциях толкования. С одной стороны, мысли Ф.М.Достоевского оцениваются как «харизматические»: они обладают повышенной «валентностью», «сочетаемостью» (В.В.Жозек) с другими национально-историческими, культурными идеологемами и в этом смысле не разрушают гармоничной целостности мира. С другой – они воспринимаются по принципу изоляционизма и интерпретируются как националистические. Наиболее наглядно тенденция такой односторонней актуализации проявляется в сети Интернет: можно говорить о «сползании харизмы» (М.Вебер), об упрощенном,

облегченном освоении идей «Дневника», о выработке сомнительных вариантов построения национальной истории.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что его положения и выводы позволяют уточнить понимание категории «тип», «типическое» в творчестве Ф.М.Достоевского, обнаружить более тесную связь между антропологическим и историософским в «Дневнике» и в целом расширить имеющиеся представления о принципах формирования «Дневника писателя» как единого, целостного текста. Изучение произведения Ф.М.Достоевского в историко-литературном контексте предоставило возможность раскрыть большую продуктивность философско-эстетической концепции писателя и ее актуальность в пространстве современной культуры.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть учтены в исследованиях антропологических и историософских взглядов Ф.М.Достоевского, в выявлении особенностей актуализации идей писателя в современном поликультурном пространстве, а также могут быть использованы при создании общих и специальных курсов по истории русской литературы XIX века и в изучении «пограничных» литературных жанров.

Апробация исследования. Основные положения работы излагались и обсуждались на конференциях различного уровня: на Межрегиональной научно-практической конференции «Русский язык как духовный и культурный собиратель нации» (Самара, 2009), на III Международной научно-практической конференции «Коды русской классики: "дом", "домашнее" как смысл, ценность и код» (Самара, 2009), на III Международном симпозиуме «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 2009), на Восьмой научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура» (VIII Пасхальные чтения) (Москва, 2010), на XI Международном Форуме русистов Украины «Русский язык и русский мир в эпоху глобализации» (Крым, Кореиз, 2011), на IV Международной научно-практической конференции «Коды русской классики: "детство", "детское" как смысл, ценность и код» (Самара, 2011), на IV Международной научной конференции «Пушкин и мировая литература» (Минск, 2012), на Десятой научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура» (X Пасхальные чтения) (Москва, 2012), на Международных научных конференциях молодых ученых «Язык и репрезентация культурных кодов» (Самара, 2012, 2013), на XI Международном симпозиуме «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (Саки-Евпатория, 2012), на IV Международном симпозиуме «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 2012), на международной научной конференции «XXXII-е Кирилло-Мефодиевские чтения: 1150 лет славянской письменности» (Самара, 2013), на V Международной конференции «Коды русской классики: "род", "родовое" как смысл, ценность и код» (Самара, 2013). Результаты исследования и содержание диссертации были представлены на аспирантских семинарах и на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета. По теме диссертации опубликована 21 работа (общим объемом 8 п.л.), в том числе 4 статьи в журналах, входящих в перечень ВАК.

Исследование было поддержано премией, установленной Указом Президента Российской Федерации от 6 апреля 2006 г. №325 «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи» (2013 г.), а также грантом Министерства образования и науки Самарской области (2014 г.).

Структура работы определяется поставленными целью и задачами. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка использованных источников и литературы, включающего 500 наименований на русском и английском языках. Объем основной части работы – 206 страниц.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются выбор темы, актуальность и научная новизна диссертации. определяются объект, предмет, материал исследования, формулируются цель и задачи, обозначаются методы и теоретико-методологическая основа работы. Отдельное внимание уделяется ведущим направлениям в истории научной и литературно-критической мысли, разрабатывавшим проблему типа, типического, формируется собственный исследовательский подход к антропологическому и историософскому в «Дневнике писателя».

Первая глава «"Дневник писателя" в контексте художественно-документальной литературы» посвящена рассмотрению «Дневника писателя» в соотношении с художественно-документальными произведениями русской литературы.

В **параграфе 1.1. «"Периферийные" жанры русской литературы: проблемы изучения»** дается характеристика отдельных художественно-документальных жанров – мемуаров, дневников, записных книжек (записок), писем, получивших широкое распространение в XIX-XX веках. Отличительной особенностью автодокументальных текстов является их срединное положение между художественной и собственно документальной словесностью, что позволяет автору кодифицировать эмпирический материал в составе единого целого и как «фактографическое», и как «психофизиологическое», и как «художественное». При этом каждый последующий уровень в повествовательном высказывании включает в себя предыдущие по степени смыслового насыщения и обобщения.

Распространение мемуаров, дневников, записок, писем связано с усилением личностного, субъективного начала в литературе и в культуре в целом и отражает процесс пробуждения исторического мышления у «частного человека», осознающего себя частью национальной и всемирной жизни. Пребывая в пограничном состоянии переходности между жизненной реальностью и ее эстетическим осмыслением, художественно-документальные тексты в силу концептуализированных установок автора активно участвуют в выработке образов исторического времени.

В **параграфе 1.2. «Загадка "Дневника писателя": особенности жанровой природы»** рассматривается история изучения жанра «Дневника писателя», прослеживаются генезис, историко-литературные и биографические

предпосылки его возникновения, выявляется единая творческая задача Достоевского, обеспечившая единство и целостность «Дневника».

Рассмотрение историко-литературных и биографических предпосылок возникновения «Дневника» дает возможность осмыслить его как своеобразное культурно-историческое «событие», как особую форму творческого высказывания Достоевского – с установкой на публицистичность, на связь литературы и журналистики, слова и жизни.

«Дневник» безусловно «вырастает» и из «публицистического темперамента» Достоевского, его пристального отношения к фактам, газетным сообщениям, из глубокого убеждения, что действительность есть «первое дело» в писательском «ремесле» и художник должен знать ее «до мельчайшей точности». В этом смысле «Дневник» выступает подспорьем в художественном творчестве Достоевского, формой обкатки, опробования творческих идей и замыслов. С другой стороны, в «Дневнике» реализована творческая сверхзадача писателя: жизненные явления в свете авторского обобщения «самовыстраиваются» в концепцию действительности, основу которой составляет мысль о человеке и истории. Мельчайшие подробности реальной жизни интересуют Достоевского как значимые факты: в них он хочет прозреть основы бытия, определить характер будущей жизни – ее человеческое измерение. В «Дневнике» как форме «соратничества» с непроясненной, смутной действительностью наиболее полно проявилось стремление художника довериться потоку жизни и увидеть в нем ценности «человеческого», а не только «текущего бытия».

Замысел «Дневника» был связан также и с психофизическим состоянием Достоевского в 1870-е годы. Как показал П.Е.Фокин, писатель решает на издание «Дневника», ясно осознавая скорое приближение собственной смерти. Единый лейтмотив писем Достоевского середины 1870-х годов – выражение постоянной тревоги, предчувствия, что жить остается недолго. Писатель переживает «личный апокалипсис»: он говорит о себе как о человеке, который «приговорен и из неизлечимых», но при этом не теряет веры и крепости духа и даже чувствует, что его «я» только лишь начинает обновляться, заново созидаться. В такой ситуации ощущения приближения жизненного итога «Дневник» выступает как своеобразное средство «улучшить» себя.

Таким образом, рассмотренные социокультурные, историко-литературные, биографические предпосылки способствовали возникновению «Дневника» и реализации творческой задачи Достоевского, стремившегося не только отобразить текущую действительность, но и прозреть среди множества разбросанных фактов и явлений закономерное, типическое и исторически продуктивное – «общую идею в человеческом облике», способную разрешить все насущные общественные проблемы и породить уже не просто социальную, а духовную общность людей, в которой, по словам писателя, «могли бы все, разных направлений, сойтись».

Эта уникальная творческая задача собрать, соединить, сплавить хаотическую действительность в единое целое позволяет рассматривать «Дневник» как «метажанр», «сверхжанр» – «синтетический проект», как опыт

художественно-публицистического миромоделирования. Не случайно, что своей формой прямого авторского высказывания «Дневник» не только проповедовал и утверждал идеалы и ценности национальной жизни, но и непосредственно влиял на общественные события (история судебного оправдания крестьянки Корниловой) и на душевное состояние читателей, отмечавших, как «обновляюще», «хорошо» он воздействует на них. Вполне очевидно, что произведение выходило за собственно литературные рамки, обретало статус «социокультурного события», организующего и выстраивающего ценностно-смысловое поле культуры, становилось неким откровением, свидетельствованием Истины в ее непосредственном обнаружении (по откликам читателей).

Во второй главе «Социально-психологические типы в свете историсофских идей "Дневника писателя"» с учетом имеющихся в науке и критике подходов к антропологии Достоевского выделяются и описываются основные социально-психологические типы «Дневника писателя», раскрываются особенности историсофской концепции произведения.

В параграфе 2.1. «Подступы к человеку: стратегии изучения героев Ф.М.Достоевского» обозначаются и анализируются ведущие направления изучения типологии персонажей Достоевского.

История рассмотрения героев писателя берет свое начало во второй половине XIX века в трудах критиков демократического лагеря. Уже здесь разрабатываются разные подходы к пониманию человека у Достоевского. Так, Н.А.Добролюбов, опираясь на методы социально-антропологического анализа, представил универсальную типологию героев. Критик рассматривает «забитых людей» в творчестве писателя на трех уровнях. На уровне социальной классификации эти герои бедны, находятся в тяжелом жизненном положении. На уровне психологического обобщения «забитые люди» делятся на кротких и ожесточенных. Первые окончательно придавлены безысходностью жизненной ситуации, вторые, напротив, пытаются протестовать, бунтуют против окружающей действительности. Важно отметить, что на третьем уровне (на это не обращают внимания исследователи) Н.А.Добролюбов определяет героев «по подобию», что позволяет рассматривать их в вечностном контексте, в рамках универсальной структуры мира: эти «превращенные в тряпицу» персонажи, несмотря на унижения и придавленность, живы и имеют живую душу, сохраняют в себе образ Божий.

Необычную, но отвечающую духу времени интерпретацию героев разработал П.Н.Ткачев. Продолжая развивать типологию «забитых людей», предложенную Н.А.Добролюбовым, критик характеризует героев Достоевского с точки зрения наличия у них психических отклонений. Анализируя роман «Бесы», П.Н.Ткачев указывает: почти все персонажи – «ненормальные», помешанные, «больные люди». Вслед за П.Н.Ткачевым Н.К.Михайловский отметил «психическую исключительность» героев, в своем воплощении выражающих небывалые преувеличения и редкости. По мысли критика, система персонажей у Достоевского представляет собой «зверинец»,

наполненный различными «чудищами»: как «мучителями», властными до жестокости и злобы, так и кроткими «жертвами».

Специальное внимание на болезненных состояниях героев акцентировала так называемая «психопатологическая критика» (В.К.Случевский, В.Ф.Чиж, В.А.Муратов, Д.А.Аменицкий). Так, В.Ф.Чиж разработал типологию героев по признакам болезненных состояний: выделил типы эпилептиков (Нелли, князь Мышкин, Кириллов, Смердяков), нравственно-помешанных (Свидригайлов, Смердяков, Митя Карамазов), в том числе с особо выраженными состояниями аффекта (Иван и Алеша Карамазовы, Раскольников, молодой князь Сокольский). Необходимость психиатрического анализа для понимания и разъяснения типов Достоевского обосновывал невропатолог В.А.Муратов. Раскольников, состояние которого характеризуют неуравновешенность настроения, навязчивые идеи, бредовые вспышки, представляет собой, по мысли ученого, пример художественного изображения душевной слабости, а Иван и Митя Карамазовы являют психастенические типы. Нетрудно заметить, что опирающиеся на принципы «психопатологического» анализа различные классификации героев маргинализируют их: персонажи предстают как характерные типы творчества Достоевского, но с точки зрения социальной полезности они оказываются на «периферии» общества и русской жизни.

Исследованием исключительных, болезненных черт героев занималась и религиозно-философская критика начала XX века. Однако душевные состояния персонажей осмыслялись ею с иной позиции – с религиозной точки зрения: психопатологические проявления человека оценивались в соотношении с Высшей ценностью, с Богом, – как болезнь духа. Так, С.Н.Булгаков рассматривает Ивана Карамазова как мировой образ, как особый философский тип. Болезненные состояния героя также интересуют С.Н.Булгакова, но для философа они есть прежде всего знак особой – духовной – болезни, болезни «нравственного омертвения», вызванной утратой религиозной веры. Героев романа «Бесы» мыслитель классифицирует на основании одержимости темными силами. Н.Ставрогин, П.Верховенский, Кириллов, Лиза принадлежат, по мысли С.Н.Булгакова, к бесноватым, увлечены силой зла, выступают его медиумами. Впустив в душу зло, они нуждаются в духовном врачевании и без Христа, по суждению философа, очиститься не могут. Процессы внутреннего, духовного истощения усматривает в героях и Н.А.Бердяев. Персонаж романа «Бесы» Николай Ставрогин понимается философом как мировое явление, как тип, который в своем дерзновении и стремлении к крайностям отпал от благодатных корней и истоков национальной жизни и вследствие этого потух, иссяк.

В советское время в работах ученых (В.Ф.Переверзев, Л.П.Гроссман, А.С.Долинин, Н.В.Кашина, В.Г.Одинокоев) преобладал социологический подход к персонажам Достоевского. Герои рассматривались как продукт общественно-культурных условий эпохи и были описаны прежде всего в рамках социальных определений. Попытки преодолеть однозначность методологических установок советских исследований предпринимал

Г.К.Щенников. В основе характерологии Достоевского лежит, по мысли ученого, не социальный, а нравственно-психологический принцип.

Современное литературоведение при выстраивании типологии героев большое внимание сосредоточивает на идейно-нравственной, духовной позиции как основной составляющей характера героя. Показательны в этом отношении классификации героев Достоевского, осуществленные Т.А.Касаткиной и Б.Н.Тарасовым. Так, Т.А.Касаткина в качестве ведущего принципа формирования характерологии выделяет «врожденную» эмоционально-нравственную установку, которая определяет отношение человека к миру. Этический критерий при изучении антропологии Достоевского применяет Б.Н.Тарасов. Намечая две основополагающих позиции, в соответствии с которыми строится жизнь человека – «закон я» и «закон любви», – исследователь выделяет соответственно «гордых» героев, «идеологов» и «смирненных», «лучших людей». Данные группы персонажей олицетворяют собой фундаментальные типы метафизического самоопределения человека – жизнь «с Богом» или жизнь «без Бога».

Как видим, в научно-критической литературе обнаружилось различные подходы к изучению человека у Достоевского. Социально-психологический (и как его вариант – психопатологический) принцип обобщения помогает понять героев, определить их основу в замкнуто-статических характеристиках: рассматривает человека как данность, объясняет его обусловленностью жизненной средой или болезнью. Религиозно-философский, духовно-нравственный принцип типизации позволяет осмыслить героев как выразителей духа времени и вечности.

Учет долгого опыта научно-критического изучения и систематизации героев Достоевского дает возможность избежать крайностей объективистского подхода и выработать собственное понимание: в «Дневнике» находят свое концептуальное воплощение антропологические и историсофские взгляды писателя.

В параграфе 2.2. «Галерея человеческих типов в "Дневнике писателя" (от "человека идеи" до "пророка")» выявляются и характеризуются доминантные социально-психологические типы «Дневника писателя». В последовательном выстраивании персонажного ряда от общественных деятелей до народных личностей выражается антрополого-историсофская концепция Достоевского.

Тип общественного деятеля. Изображение героев эпохи Достоевский начинает с выведения типа общественного человека, представленного А.И.Герценом и В.Г.Белинским (статья «Старые люди»). Очевидно, что писатель значительно упрощает личности двух мыслителей, не учитывает сложности их взглядов и характеров, сознательно выделяет в них не индивидуальное и неповторимое (например, жизненная драма Герцена), а типическое (идушее не от героев, а от среды), тем самым создает узнаваемый портрет русского западника. Герцен и Белинский в изображении Достоевского – западники, в своих идейных устремлениях разорвавшие связи с родной культурой и традициями. Однако заметно, что, сближая их на идейной основе,

писатель противопоставляет их по психологическим критериям. Герцен в концепции Достоевского – представитель высшего, образованного сословия, рационально, логически усвоивший западные ценности. Белинский как выразитель слоя разночинной интеллигенции, напротив, стал «страстным» социалистом: в провозглашаемые идеи он верил восторженно, без какой-либо рефлексии, догматически принимая усвоенные идеалы. Выводя в качестве типа общественного деятеля Герцена и Белинского, Достоевский показывает, что западничество, проникшее во все слои общества, опасно для исторической судьбы России. Увлечение теориями и западными ценностями уводит человека, по мысли писателя, от связи с родной «почвой», ведет к построению национальной истории по идеологическому образцу (см.: «Записки из подполья», «Бесы»).

Тип присяжного заседателя. В антропологической галерее «Дневника» находит место и усредненный, массовидный тип чиновника-присяжного заседателя (статья «Среда»). Такие люди, как присяжный заседатель, – это люди поветрия, новых идей, теоретических обольщений (ср. у Н.А. Некрасова: «Что ему книга последняя скажет, То на душе его сверху и ляжет»). Достоевский развенчивает философию «среда заела», которую разделяют люди «нравственной моды». Согласно данной теории, человек освобождается от вины за совершенные преступления, так как он приведен к злодейству обстоятельствами окружающей действительности, скверным устройством жизненной реальности. Писатель обосновывает губительность такой философии: человек мыслится как продукт среды, с него снимается всякая ответственность, и история таким образом лишается человеческой воли, деантропологизируется.

Религиозный тип. В «Дневнике писателя» особое место в логике развертывания социально-психологических типов занимают народные религиозные типы, которых Достоевский противопоставляет общественным деятелям, чиновникам и с которыми связывает будущую жизнь и историческую судьбу России. Характерологический диапазон изображенных религиозных типов необычайно широк. Достоевский выводит как катафатические типы, в которых религиозная основа явлена, самоочевидна и проступает в мирском служении, деятельной любви, крестной жертве, так и апофатические типы, которые к обретению Истины проходят путем зла и поражают своевольными, кощунственными деяниями, дерзновенными поступками.

Преображенный тип. «Спасенный», преображенный тип представлен в очерке «Влас». Крестьянин Влас – «апофатик-безобразник». Как русская широкая натура он в своем стремлении к «безудержу» решается на кощунственный поступок – выстрелить в причастие. Однако в безумной вспышке своеволия, когда «помрачается» сознание, в душе Власа «воссиял свет»: ему открывается видение образа распятого Христа – «нас ради вочеловечившегося». С Власом случается преобразование: не извне, не под влиянием внешних обстоятельств, а изнутри человеческой природы приходит свет. В этом невероятном происшествии Достоевский обнаруживает «вертикальную», глубинную структуру русского народного характера: (а)

желание отрицания, выражающееся в «забвении всякой меры во всем», в стремлении «хватить через край», заявить своеволие, и (б) «сверхприродная» жажда покаяния и страдания, восстановления и спасения. Эти два полярных психоантропных начала и «центрируют» народный тип, который представлен образом Власа.

Нетрудно заметить, что архетипически ситуация с Власом восходит к библейской истории преобразования Савла (апостола Павла). Между тем смысл кощунственного дерзновения, на которое решается Влас, раскрывается в контексте кенозиса русской культуры. Своеволье есть живое ощущение свободы. В акте своеволия, в этой «энергичной», динамичной форме самоопределения, формирования человеческой личности происходит соприкосновение с Иным и обретается Истина (О.А.Богданова). Покаяние Власа, принятие им на себя креста служения осмысливается Достоевским как типическая, знаменательная черта русского характера, которая, проступая в ситуативном, являет сущностно человеческое, укореняется в историческом.

«Почвенный» тип. «Почвенный» тип, представленный мужиком Мареем (рассказ «Мужик Марей»), является ключевой фигурой в антропологической концепции «Дневника». Достоевский на каторге среди мрака, жестокости и невежества вспоминает мужика Марея из своего детства. Крестьянин нежно, «по-матерински» приласкал, спас от страха маленького мальчика Федю Достоевского в ситуации, когда можно было бы отвернуться и не заметить детского испуга.

Фигура мужика Марея не изолирована от страшного и ужасного мира, мира, лежащего во зле. Пашущий крестьянин оценивается Достоевским как духовно-автохтонное явление, как народная «почва», являющая образец нравственного естества и заботы о мире. Воспоминание из детства, посетившее писателя в остроге, во время бесчинств и зверства, дарует ему «новое зрение», знаменует чудо открытия Истины в безобразии. Сопряжение образа кроткого Марея с каторжными «безобразниками» усиливает напряженное единство двух полярных начал народного характера и помогает утвердить «евангельскую» мысль Достоевского: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Пашущий крестьянин есть воплощение образа матери-земли, символ «женской» заботы и ласки и одновременно есть носитель вольного, народного Православия, и, по мысли писателя, хмельной каторжник есть, возможно, «тот же самый Марей». Так раскрывается глубинная природа народного характера: безобразие мужицкого разгула предстает как преходящее, временное самопроявление, что брошено в хаос неустановившейся действительности, «скользит» по поверхности исторической «ткани», тогда как образ мужика Марея высвечивает духовный потенциал народного лица, его сущностные средоточия и начала, что постоянно пребывают и ожидают только своего обнаружения. Эту разгульную стихию, таящуюся в глубинах народного духа и в любой момент способную выплеснуться в «историческое», удерживает собой по-матерински заботливый и нежный Марей, выражая устойчивое измерение народного характера.

Исповедально-жертвенный тип. Свою религиозно-антропологическую концепцию Достоевский усиливает, рисуя образ Фомы Данилова, русского

унтер-офицера, принявшего в азиатском плену мученическую гибель за веру (статья «Фома Данилов, замученный русский герой»). Писатель обращается к этому трагическому известию, которое уже было широко растиражировано во всех газетах и утратило остроту первичности, но, в отличие от журналистов, актуализировавших фактологический и психофизиологический уровень события, высвечивает в нем сущностное, духовно-человеческое. В «обыкновенном и неприметном» народном типе раскрывается такая сила духа, что характеризует его как исповедника веры, свидетельствующего об Истине перед лицом неизбежной смерти. Заметна эмблематичность и даже иконичность в описании подвига офицера: страшную смерть Фома принимает по внутреннему убеждению и душевному смирению. Проводя параллель с евангельским сюжетом о крестной смерти Христа, Достоевский укореняет данный тип в духовно-онтологическом, восходящем и возводящем к Христу. В органично явленной честности поступка Фомы писатель прозревает духовно-религиозную основу русского человека и на этом строит свою концепцию «народа-богоносца», глубоко просвещенного светом Христовой истины и носящего в «последних» глубинах своей души образ Спасителя (см. также: «Братья Карамазовы», глава «Контроверза»).

Тип «общечеловека». Христоподобный подвиг самопожертвования в миру совершает доктор Гинденбург, герой глав «Похороны "общечеловека"» и «Единичный случай». Много лет до самой смерти он смиренно и неустанно врачевал людей разных национальностей и вероисповеданий, – нес свой крест служения. Для Достоевского доктор Гинденбург – это «общечеловек». Масштаб его личности раскрывается в контексте Евангелия. Рисуя образ доктора, писатель явно ориентируется на подвиг Христа. Евангельский код определяет и способ символизации, уровень обобщения: Гинденбург *один* способен соединить *всех*, решить *общий* вопрос. Своей подвижнической врачебной деятельностью он утешает в мирских смятениях и скорбях, в «соратничестве» с Богом в деле спасения становится целителем, собирателем душ. Соединяя людей своим служением, «общечеловек» не только держит мир, оберегая его от распада в условиях всеобщего «обособления», но и создает вокруг себя «островки "рая на земле"» (О.А.Богданова), где возможны чудеса исцеления и преображения.

Выводя тип праведника, подвижника в миру, Достоевский формирует свою концепцию истории как «работы спасения», созидания Царства Христова, которое достигается благодаря подвигу деятельной любви, осуществленному личностью, восходящей к богоподобию. Такая возможность созидательного, благодатного исхода истории осуществится, по мысли писателя, когда свет духовного делания «единичных» праведников прольется на весь мир и, как указывает Достоевский, станут «все Христы» (ср.: «Философия общего дела» Н.Ф.Федорова).

Тип «бесстыдника». В рассказе «Бобок» Достоевский выводит тип «бесстыдника». В представлении социально-психологических типов от общественных деятелей к народным личностям и, следовательно, в развертывании историософской концепции «Дневника» вроде бы намечается

разрыв: тип «бесстыдника» функционально не вписывается в антрополого-историософскую концепцию. Героями «Бобка» являются представители высших сословий: генерал-майор Первеедов, знатная барыня, инженер, чиновник, тайный советник Тарасевич, философ Платон Николаевич, барон Клиневич образуют «могильное общество», решившее «устроиться на иных основаниях» – отрешиться от нравственных идеалов и норм, «ничего не стыдиться», «заголиться и обнажиться». Раскрепостившиеся мертвецы реализуют принцип «все позволено»: можно говорить о том, что «бесстыдник» – это общественный деятель «наоборот», человек «одного убеждения».

Тем не менее проблема «последнего оголения» органично встраивается в контекст антрополого-историософских идей «Дневника». Типизация психофизиологического, представленная в рассказе, на первый взгляд разрывает линейную оппозицию «общественный деятель – религиозный тип», обнаруживает выпадение из исторического бытия. Однако такая прерывность не случайна. Изображая этот «телесный ад», Достоевский показывает, что мертвецы-«бесстыдники» – «бесы» страстей – являют собой усредненный, массивный тип, тип каждого, так что и религиозные типы находятся в этой среде. Герои «Бобка», без сомнения, усложняют историософскую концепцию, они – воплощение стихийного, «карамазовского», которое есть в каждом, даже в праведнике (в послушнике Алеше), но которое духовно должно быть подчинено. Помещая биологически самое живое – плоть человека – в мертвое, Достоевский показывает, что оно как темное должно быть просветлено любовью, соотнесено с духовным светом (ср. с Федором Павловичем Карамазовым, который своим бесстыдством, «бунтом плоти» говорит нестерпимую правду о человеке – о неизбежной порочности его природы, но одновременно и свидетельствует, что в глубине греховной телесности обнаруживается свет: «ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение»).

А.С.Пушкин как историко-антропологический и пророческий тип. Казалось бы, оппозиции «общественный деятель – религиозный тип» достаточно для выражения антропологических и историософских идей в «Дневнике». Религиозные типы как «новые», «грядущие люди» предстают в качестве «высших» типов художественно-публицистической характерологии «Дневника», с ними связывается разрешение исторической судьбы России. Однако необходимо заметить, что структурно, повествовательно «Дневник» держится не только на противопоставлении, в нем обнаруживает себя удивительная тринитарность. Включенная в «Дневник» за 1880 год Пушкинская речь (очерк «Пушкин») преобразует бинарную структуру высказывания Достоевского о героях, переводит типологическую систему текста на другой уровень. Можно сказать, что Пушкин появляется в «Дневнике» как смысловая вершина, синтез всех национальных типов, как «сверхмера».

Культурно-исторический образ Пушкина завершает галерею антропологических типов в «Дневнике», венчает ее и в целом оформляет историософскую концепцию Достоевского. ~~Пушкин~~ своеобразно типизирует

личность Пушкина, изображает его «двуприродность»: с одной стороны, он возникает из недр национального бытия, из народных глубин и представляет собой *явление* русской культуры, с другой – личность Пушкина есть чудесная, благодатная *явленность*. Примечательно, что о творческой личности Пушкина Достоевский говорит религиозными словами, соотносящими поэта с образом Христа и вводящими его в контекст событий Священной истории. Пушкин есть явление «невиданное и неслыханное», *тайна*, которая еще не разгадана, *новое слово*, освещающий темную дорогу русской истории *свет*, *пророк*, предрекший будущее своего народа. Как «идеал русского человека» Пушкин стал провозвестником нового мира, когда воплотится «целое» человеческой личности. Таким образом, в своем творческом гении Пушкин выразил эту «полноту Христову», к которой тяготели религиозные, христоподобные типы, – «всемирную отзывчивость», «всепримирение», «всечеловечность».

В связи с этим можно говорить о том, что определение Пушкина как антропологического и пророческого типа принципиально трансформирует и преобразует структуру текста в целом. В «Дневнике» реализуется принцип восходящей целостности текста: происходит переход бинарной повествовательной системы к тринитарной, обладающей характеристиками «синтетичности» и «валентности». Очевидно, что очерк о Пушкине, находящийся в финале текста, оказывается в центре характерологической системы и выступает всепронизывающим началом.

Представляется неслучайным, что «Дневник» начинается с изображения Белинского как общественного типа, а заканчивается выведением Пушкина как историко-культурного типа. Такая своеобразная кольцевая композиция текста обеспечивает «Дневнику» уникальную целостность и завершенность. В пределах повествования укладываются все смыслы, ценности жизни России. Можно говорить о том, что эпоха Пушкина-Белинского становится «мерой» России, ее историческим кодом.

Очевидно, что в начале произведения Достоевский обращается к своей молодости, к идейным поискам и скитаниям, к общению с Белинским, а в конце «Дневника» (и в конце жизни) он приходит к Пушкину как к разрешению своих духовных блужданий. Достоевский своей судьбой воплотил путь к Пушкину (П.Б.Струве), а в «Дневнике» этот путь предстает как движение всей национальной истории. «Русская безмерность», объединявшая «страстных» Белинского и Достоевского, пришла к всепримиряющему, гармоничному началу, явленному Пушкиным, как к светлому исходу. Два деятеля XIX столетия оказываются полярно разведены в тексте, и Пушкин намечает собой эсхатологию «Дневника», его линейно конечную, но в ценностном отношении изначальную, высшую – онтологическую – точку. И эта «точка порождения» кодирует, просветляет текст на всех уровнях: фактографическом, автобиографическом и историософском. Таким образом, Достоевский создает универсальную антрополого-историософскую модель: «путь к Пушкину» – это есть историософия и личной судьбы, и судьбы народной, – судьбы России.

Третья глава «Парадоксы бытия идей: историко-функциональное изучение "Дневника писателя"» раскрывает особенности восприятия идей «Дневника писателя» общественной мыслью рубежа XIX-XX веков и выявляет основные тенденции их функционирования в современном социокультурном пространстве. «Дневник» как уникальное в смысловом и ценностном отношении произведение обнаружил свой глубокий, универсальный потенциал в культуре XX столетия и наших дней. На каждом новом историческом витке «Дневник» оказывался востребованным общественным сознанием, которое актуализирует в нем те или иные смыслы.

В параграфе 3.1. «Историософские идеи "Дневника писателя": проблемы валентности и изоляционизма» обрисовываются основные направления функционирования историософских идей Достоевского в культуре. Интерес к «Дневнику» на рубеже веков проявили представители религиозно-философской мысли (В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев, Л.Шестов). Однако тогда «Дневник» как целое не воспринимался и был «разобран» на отдельные высказывания и мысли: особенно острое звучание получили «горячие» суждения Достоевского по национальному вопросу. Философы отмечали, что в попытке определить свойства русского характера и историческое предназначение России писатель впал в крайние формы мессианизма и национализма. Так, по мысли В.С.Соловьева, исторические воззрения Достоевского отличались непоследовательностью и противоречивостью, содержали в себе нападки на чужие вероисповедания. Идейные заблуждения в системе взглядов писателя обнаруживал и Н.А.Бердяев, отмечая, что Достоевский увлекался национализмом. Л.Шестов интерпретировал историософскую концепцию писателя как воинственную и захватническую.

Нужно отметить, что религиозные философы подходили к «Дневнику» как к источнику мировоззренческих, идейных основ творчества Достоевского. Однако историософские идеи «Дневника», хотя порой и «выхватывались» из контекста, тем не менее осмыслились в широком поле культурных смыслов, что позволяло рассматривать их в органичной соотнесенности с универсальной структурой мира. Абсолютное «сползание харизмы» (М.Вебер), упрощение идей наблюдается в современном массовом сознании. Сложный, неоднородный текст «Дневника» сегодня буквально растащен на цитаты, оценивается в отрыве от целого, по отдельным, выборочным фразам.

В параграфе 3.2. «Особенности функционирования национальных идей Ф.М.Достоевского в сети Интернет» на основе материалов сайтов, форумов, блогов характеризуются процессы разнонаправленной актуализации мыслей Достоевского современным массовым сознанием. Имя Достоевского сегодня представляет собой некий «бренд» и используется при обсуждении социальных, политических, культурных вопросов. Выступая в качестве «национального пророка», «отгадчика русского пути», Достоевский становится активным «участником» процесса формирования и выражения идеологий общественных организаций и отдельных людей.

Однако заметно, что происходит редуцирование идей и смыслов «Дневника»: выборочная цитатность, фрагментарность, осколочность при актуализации мыслей Достоевского приводят к узкой, идеологизированной трактовке. Так, историософская концепция «Дневника», в своих вершинах выстраивающаяся как «путь к Пушкину», размывается и предстает как националистическая, как «путь в никуда». Разрозненные высказывания Достоевского о сущности русского народа, его национальных задачах и призвании, роли среди других славянских народов проектируются на современную общественно-политическую ситуацию, теряют свою универсальность, валентность, становятся идеологическим основанием для выдвижения программы конкретных, зачастую агрессивных, действий.

Активное функционирование «Дневника» в современном социокультурном пространстве, широкое распространение мыслей Достоевского в сети Интернет, с одной стороны, свидетельствует о значимости, актуальности творческого наследия писателя, о внимании и интересе к нему широкой аудитории. С другой стороны, опыты тенденциозного прочтения и осмысления идейного наследия писателя указывают на гносеологический и ценностный разрыв, который существует в современном общественном сознании: из культуры уходит «достоевское», «пушкинское» – та чуткость к целому, валентность, соизмеримость со всеобщим, синтетичность, которая предстает единственно прочной основой, раскрывающей замысел о России, о русской истории.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы. Обращается внимание на то, что в «Дневнике писателя» Достоевский выражает свои антрополого-историософские представления, создавая галерею социально-психологических типов, героев времени, воплощающих антропологические качества русского человека. Концепция писателя, с одной стороны, достаточно традиционна (бинарная структура, религиозное основание), с другой – является уникальной: связывается с разгадыванием национально-исторического кода. Достоевский рисует портреты-обобщения различных представителей русской жизни. В целом «Дневник писателя» строится на преодолении бинарной структуры повествования, что достигается благодаря введению в текст высказывания о Пушкине как историко-антропологическом и пророческом типе. Возникнув как «сверхмера», синтез всех социально-психологических типов, Пушкин предстает «высшей точкой», всеобъемлющей вершиной историософской концепции «Дневника писателя». В осуществлении своего исторического предназначения русский мир, по Достоевскому, идет к Пушкину как к синтетическому, собирающему, примиряющему началу, воплотившему собой культурно-антропологический замысел о судьбе России.

В качестве **Приложения** к работе помещаются сравнительно-сопоставительный анализ стихотворения А.С.Пушкина «Пророк» и рассказа Ф.М.Достоевского «Мужик Марей», а также анализ «детской темы» в «Дневнике писателя» в контексте историософских идей Достоевского.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях.

Статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК:

1. Артамонова, Л.А. «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского и «периферийные» жанры русской литературы / Л.А.Артамонова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2012. – №8/1 (99). – С.153-156 (0,4 п.л.).
2. Артамонова, Л.А. «Правда народная» и «правда среды»: к вопросу об историософской концепции Ф.М.Достоевского в «Дневнике писателя» / Л.А.Артамонова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2013. – №2 (103). – С.133-137 (0,5 п.л.).
3. Артамонова, Л.А. «Во что верую, то и исповедую»: Ф.М.Достоевский о религиозном типе в «Дневнике писателя» / Л.А.Артамонова // Перспективы науки. – 2013. – №7 (46). – С.41-43 (0,4 п.л.).
4. Артамонова, Л.А., Карпенко, Г.Ю. Мотив преображения в стихотворении А.С.Пушкина «Пророк» и в рассказе Ф.М.Достоевского «Мужик Марей» / Л.А.Артамонова, Г.Ю.Карпенко // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2014. – №1 (112). – С.140-145 (0,6 п.л.).

Публикации в других изданиях:

5. Артамонова, Л.А. Ф.М.Достоевский о русском религиозном типе в «Дневнике писателя» (1873, 1876, 1877) / Л.А.Артамонова // Русский язык как духовный и культурный собиратель нации: Сборник трудов межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В.Гоголя. В 2 т. / Под ред. Е.П.Бельчиковой, Н.А.Илюхиной, Г.Ю.Карпенко и др. – Самара: ООО Издательство «Книга», 2009. – Т.1. – С.378-386 (0,5 п.л.).
6. Артамонова, Л.А. Интернет как «коммунальная кухня»: «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского на сайтах / Л.А.Артамонова // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае (Самара, 19-20 ноября 2009): В 2 частях / Отв. ред. Г.Ю.Карпенко. – Самара: Издательство «СНЦ РАН», 2010. – Ч.1. – С.141-146 (0,4 п.л.).
7. Артамонова, Л.А. Кризис идей и кризисологический потенциал идей: «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского и «Психология национальности» Д.Н.Овсяннико-Куликовского / Л.А.Артамонова // Рождение культурологии в России: Сборник науч. трудов / Науч. ред. проф. В.П.Океанский. – Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. – С.96-101 (0,4 п.л.).
8. Артамонова, Л.А. Рецепция «Дневника писателя» Ф.М.Достоевского на сайтах националистической направленности / Л.А.Артамонова //

- Проблемы взаимодействия языка, литературы и фольклора и современная культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Льва Григорьевича Барага / Отв. ред. Р.Х.Якубова, С.А.Салова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – С.235-240 (0,4 п.л.).
9. Артамонова, Л.А. Социально-психологические типы в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского и их роль в историософской концепции автора (к проблеме народного единства) / Л.А.Артамонова // Становление народного единства. Вехи в истории: Тез. докл. конф. молодых ученых-историков 10 ноября 2011 г. / Подгот. орг.-информ. управл. аппарата Самар. Губерн. Думы. – Самара: ИЦ Самар. Губерн. Думы, 2012. – С.4-7 (0,4 п.л.).
 10. Артамонова, Л.А. «Христология» детства в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского / Л.А.Артамонова // Коды русской классики: «детство», «детское» как смысл, ценность и код: Материалы IV Международной научно-практической конференции (Самара, 24-25 ноября 2011) / Отв. редактор Г.Ю.Карпенко. – Самара: Издательство «СНЦ РАН», 2012. – С.89-93 (0,4 п.л.).
 11. Артамонова, Л.А. О проблемах восприятия и интерпретации «Дневника писателя» Ф.М.Достоевского в сети Интернет / Л.А.Артамонова // Наука на рубеже тысячелетий: сборник материалов 2-ой международной научно-практической конференции «Перспективы и темпы научного развития», 28-29 января 2012 года. – Тамбов: Издательство ТМБпринт, 2012. – С.65-66 (0,1 п.л.).
 12. Артамонова, Л.А. Историко-функциональное изучение «Дневника писателя» Ф.М.Достоевского: духовно-антропологический аспект / Л.А.Артамонова // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы: сб. материалов Международной научно-практической конференции / Ред.-составители проф. Л.П.Егорова, проф. А.А.Фокин, проф. О.И.Лепилкина; под общ. ред. проф. А.А.Фокина. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2012. – С.110-113 (0,4 п.л.).
 13. Артамонова, Л.А. Парадоксы бытия идей: «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского в сети Интернет / Л.А.Артамонова // Язык и репрезентация культурных кодов: материалы международной научной конференции молодых ученых, Самара, 11-12 мая 2012 года / Под научной редакцией профессора Н.А.Илюхиной и доцента О.А.Усачевой. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2012. – С.225-228 (0,4 п.л.).
 14. Артамонова, Л.А. Разнонаправленная актуализация идей в сети Интернет: «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского и «Психология национальности» Д.Н.Овсяннико-Куликовского / Л.А.Артамонова // Информационный вестник Форума русистов Украины. Вып.15. «Русский язык и Русский мир в эпоху глобализации». – Симферополь, 2012. – С.187-193 (0,5 п.л.).

15. Артамонова, Л.А. Образ детства и «евангельский слог» в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского / Л.А.Артамонова // Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры / Отв. ред. Л.Н.Костякова. – Коломна: МГОСГИ, 2012. – С.15-20 (0,4 п.л.).
16. Артамонова, Л.А. А.С.Пушкин как социокультурный тип в историософии Ф.М.Достоевского / Л.А.Артамонова // Пушкин и мировая литература: материалы IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 17-18 апр. 2012 г. / Редкол.: В.Д.Стариченок и др. – Минск: РИВШ, 2012. – С.136-139 (0,3 п.л.).
17. Артамонова, Л.А. «Дневник писателя» как Слово Ф.М.Достоевского: метафизика жанра / Л.А.Артамонова // X Пасхальные чтения: Материалы Десятой научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура» / Науч. ред. И.Г.Минералова. – М.: Изд-во «Литера», 2012. – С.280-285 (0,4 п.л.).
18. Артамонова, Л.А. Морфология публицистического высказывания Ф.М.Достоевского в «Дневнике писателя» / Л.А.Артамонова // Язык и репрезентация культурных кодов: материалы и доклады междунар. науч. конф. молодых ученых (Самара, 17 мая 2013 г.) / Сост. А.Ю.Кубайдулова; под общ. ред. С.А.Голубкова, Л.Г.Тютеловой. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2013. – С.196-198 (0,2 п.л.).
19. Артамонова, Л.А. Интегративный подход к изучению неоднородных текстов («Дневник писателя» Ф.М.Достоевского) / Л.А.Артамонова // Глобальная научная интеграция: Сборник материалов 9-ой международной научно-практической конференции «Глобальная научная интеграция» 28-29 июня 2013. – Тамбов: Изд-во «ООО Издательский Дом ТМБпринт», 2013. – С.57-59 (0,1 п.л.).
20. Артамонова, Л.А. Религиозные типы «Дневника писателя» в контексте историософских идей Ф.М.Достоевского / Л.А.Артамонова // XXXII Кирилло-Методиевские чтения: 1150 лет славянской письменности: материалы Международной научно-практической конференции преподавателей истории, языков и культуры славянских народов (Самара, 23-24 мая 2013 г.) / Под ред. Л.Б.Карпенко. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – С.101-107 (0,5 п.л.).
21. Артамонова, Л.А. «Надобен мир по-иному – Христов»: антропология «Дневника писателя» в свете историософии Ф.М.Достоевского / Л.А.Артамонова // Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность: тематический сборник. Вып.7. / Науч. ред. А.В.Кузнецова. – Ростов н/Д: Академцентр, 2014. – С.9-16 (0,5 п.л.).